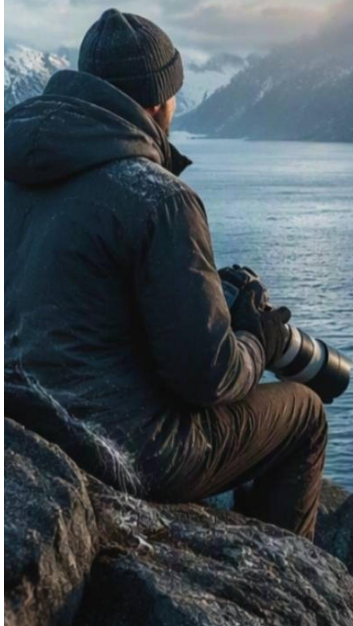

КОТЛЯРОВА АНАСТАСИЯ

ШАНТАРСКИЙ РОБИНЗОН

Анастасия Котлярова

Шантарский Робинзон

<https://litres.ru/74646872>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья Рябинин — фотограф-анималист, прилетает на далёкие Шантарские острова, чтобы вблизи понаблюдать за гренландскими китами. Старый пилот высаживает его на пустынном берегу и улетает, пообещав вернуться. Но ни через пять, ни через десять дней самолёт так и не появляется. Телефон разбит, связи нет. Среди скал, туманов и ледяного моря Илья остаётся совсем один.

Понимая, что впереди его ждёт долгая осень и суровая зима посреди Охотского моря, Илья учится выживать. Одиночество и страх заставляют его совершенно по-новому взглянуть на жизнь, преодолеть все испытания и благополучно вернуться домой, обретя веру в себя.

Анастасия Котлярова

Шантарский Робинзон

Шантарский Робинзон

Глава 1. Каменный мешок

Илья Рябинин ещё никогда не был так счастлив! Старый бирюзовый Ан-2, дребезжа и подпрыгивая на воздушных ямах, заложил широкий круг над бухтой. В иллюминатор Илья видел скалы — древние, чёрные, с острыми гранями, словно великаны обкусили их зубами. Море внизу было серо-зелёным, как бутылочное стекло, и по нему гуляли белые барашки волн. А вдалеке, на горизонте, висела плотная стена тумана — знаменитая шантарская «молочная пелена».

— Красота... — выдохнул Илья, протирая запотевшее стекло.

За штурвалом сидел Косач — угрюмый, коренастый мужик с обветренным лицом и вечной папиросой в углу рта. Он молчал всю дорогу и только изредка бросал короткие фразы: «Держись крепче», «Не бойсь, долетим». На коленях у него лежала потрёпанная карта, и Илья заметил на ней крошечную точку, обведённую красным карандашом. Южный берег Большого Шантара. Самое сердце неизведанной, самобытной природы.

Илья не боялся. Он три года мечтал об этом моменте. Шантарские острова. Одно из последних мест на Земле, где

гренландские киты подходят к самому берегу. Он, фотограф-анималист, почти не спал последнюю неделю, собирая снаряжение. В рюкзаке лежали: камера, два объектива, спутниковый телефон, лёгкая палатка, запас еды на неделю и потрепанный томик «Робинзон Крузо». Эту книгу подарила ему сестра Лена ещё в детстве — на десятилетие, кажется. С тех пор он таскал её во все экспедиции. Не ради текста даже, а ради запаха старых страниц и Лениной надписи на форзаце: «Илюшке, первооткрывателю новых земель». Тогда она ещё не знала, что он действительно станет путешественником.

Самолёт пошёл на снижение. Шасси коснулись плотного песка, тряхнуло раз, другой — и Ан-2 замер. Косач заглушил мотор, и вдруг наступила такая тишина, что у Ильи зазвенело в ушах. Только ветер посвистывал, да где-то далеко кричали чайки.

— Ну вот, приехали, — Косач открыл дверь, и в кабину ворвался солёный, холодный воздух. — Бухта Южная. Вон там, за мысом, метеостанция старая. Однако, заночевать там не получится, один остов остался, нет ни крыши, ни стен. А мне пора. Через пять дней заберу. Смотри, тут зверь ходит, так что костёр не забывай.

Илья выбрался наружу, и ноги утонули в гальке. пляж был пуст и огромен. Скалы подступали к самой воде, а за спиной, на склоне сопки, темнел густой лиственный лес.

— А связь? — крикнул он, обернувшись. — Если что, по-

звоните?

Косач махнул рукой:

— Ты сам, если что, набирай. Но учти: тут не везде связь есть, придется еще походить и поискать.

Самолёт взревел, поднял тучу песка и, тяжело разбежавшись, ушёл в небо. Илья долго смотрел ему вслед, пока бирюзовое пятнышко не растворилось в серой дымке.

Первый день был волшебным. Он поставил палатку на высоком берегу, откуда открывался вид на всю бухту. Собрал дрова, разжёг костёр, вскипятил чай в походном котелке и сидел, завернувшись в спальник, смотрел, как солнце садится в море, окрашивая воду розовым золотом. Он был совсем один. Вот оно, прекрасное, долгожданное одиночество. То самое, ради которого он и рвался на край света.

На второй день он увидел китов. Сначала — фонтан. Белая вспышка над тёмной водой, метрах в двухстах от берега. Потом — огромная, гладкая спина, похожая на перевёрнутую лодку. Гренландский кит! Их было двое, и они шли медленно, величественно, словно знали, что он их ждёт.

Илья схватил камеру и побежал вниз по тропе, перепрыгивая с камня на камень. Нужно было успеть, пока они не ушли за мыс. Он нажал кнопку, навёл фокус, и тут нога соскользнула на мокрой гальке. Он взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но рюкзак перевесил. Илья рухнул на бок, прямо на острые камни. Что-то хрустнуло.

Он вскочил. Камера цела? Цела. Руки-ноги целы? Целы. Он выдохнул с облегчением, а потом похолодел. Спутниковый телефон, который лежал в боковом кармане рюкзака, вылетел при падении и теперь лежал на камнях. Экран треснул паутиной. Илья поднял трубку, нажал кнопку включения — ничего. Чёрный экран, мёртвая пластмасса.

— Ну нет... — прошептал он. — Ну пожалуйста...

Он тряс телефон, снимал и вставлял батарею, грел его в ладонях. Бесплезно. Дорогая игрушка не пережила падения. Илья сел и глупо уставился на разбитый экран. Ну это же надо, такая неудача!

Впрочем, паника быстро улеглась. В конце концов, Косач вернётся через пять дней. Ну, максимум через неделю, если погода помешает. Зачем ему сейчас телефон? Он здесь, чтобы снимать китов, а не болтать с большой землёй.

Он убрал мёртвый телефон на дно рюкзака и пошёл обратно в лагерь. Китов он в тот день снимал до заката, забыв обо всём.

Пять дней прошли, как один миг. Илья облазил окрестные скалы, нашёл лежбище ларг, снял потрясающий рассветный туман, стекающий с сопки, и даже видел росомуху — редкую, скрытную, мелькнувшую между деревьев.

По вечерам, у костра, он записывал в блокнот свои наблюдения и читал «Робинзона Крузо», посмеиваясь над наивностью героя. «Подумаешь, необитаемый остров! У него там и козы, и черепахи, и климат, как в раю. А у нас тут только

камни и туман».

На шестой день он проснулся с чувством тревоги. Косач должен был прилететь вчера. Или сегодня? Он точно сказал «через пять дней», но Илья не записал. Он вышел на берег и долго вглядывался в серое небо. Ни точки. Ни звука, кроме ветра и прибоя.

Ничего, задержался на сутки. Может, топливо кончилось, может, на материке дела. Он провёл весь день, занимая себя работой: собрал плавник для костра, наносил воды из ручья, починил оттяжку палатки. Но вечером, когда солнце снова ушло за море, а небо осталось пустым, Илья впервые почувствовал холод внутри.

На седьмой день он решил добраться до метеостанции. Вдруг там есть рация? Или хотя бы часть крыши, если придётся ждать долго.

Станция нашлась в двух часах ходьбы по берегу. Это был бревенчатый дом с выбитыми окнами и провалившейся крышей. Внутри — груды мусора, ржавые обломки приборов, запах сырости и звериного помёта. Ни рации. Ни лампы. Ни малейшего следа человека. Только на стене висел ржавый плакат «Берегите лес от пожара», да в углу валялась пустая бочка с надписью «Солярка».

Илья вышел на порог и сел на трухлявую ступеньку. Из кармана он машинально вытащил мёртвый телефон. Беспольный кусок пластика. А в небе, над морем, по-прежнему не было ни дымка, ни силуэта.

Вечером восьмого дня он сидел у костра, пытаясь не впасть в отчаяние. В голове всплыло лицо Лены — старшей сестры, единственного родного человека на Земле. Родителей они потеряли рано. Мать умерла, когда Илье было десять, отец ушёл из семьи ещё раньше. Лена заменила ему всех. Она тащила его на себе через школу, через институт, через первые неудачи. Они были не просто брат и сестра — они были экипажем, выжившим после крушения под названием «детство».

Потом Лена вышла замуж. Хороший парень, Сергей, с ним спокойно. Уехали в Новосибирск. Связь стала реже: созванивались раз в две недели, иногда переписывались. Лена знала, что брат путешествует, что он с камерой то на Байкале, то на Камчатке. Но подробностей он обычно не сообщал. Так уж повелось: он не хотел тревожить её по пустякам. Она не допытывалась, уважала его свободу.

И об этой поездке Илья тоже не сказал.

Не то, чтобы специально скрыл. Просто, когда они в последний раз говорили по телефону, билеты ещё не были куплены. Он буркнул что-то вроде: «Собираюсь в одно место, будут классные кадры». И всё. Ни адреса, ни названия архипелага, ни имени пилота. Лена даже не знает, что он на Шантарах. Она вообще не знает, что существует такой архипелаг. — Если бы я только... — прошептал он, глядя в огонь.

Но «если бы» не работало. Он представил, как Лена через месяц, а то и два, начнёт волноваться. Как будет обзванивать

его друзей. Как подаст заявление в полицию. И как ей скажут: «Ваш брат не сообщил маршрут. Мы не знаем, где искать».

Он своими руками сделал себя невидимкой. Илья сунул телефон обратно в карман и поднял глаза к небу. Оно было огромным, чёрным, полным звёзд. Где-то там, за тысячи километров отсюда, Лена сейчас, наверное, пьёт чай на кухне и даже не подозревает, что её младший брат сидит на пустом берегу посреди Охотского моря.

— Прости, Лен, — сказал он тихо. — Но я выберусь. Обещаю.

Илья достал из рюкзака потрёпанный томик, провёл пальцем по Лениной надписи на форзаце. Почерк у неё был круглый, старательный, совсем детский. «Первооткрывателю новых земель». Вот уж открыл так открыл...

Он быстро распахнул книгу наугад и прочёл: «Я понял, что теперь мне предстоит не просто жить на этом острове, а выживать».

Илья посмотрел на тёмное море.

— Ладно, — сказал он вслух. И сам удивился, как твёрдо прозвучал его голос. — Ладно. Значит, буду выживать.

Где-то далеко, в сумерках, блеснул фонтан. Кит. Его кит. Значит, он не совсем один.

Костёр вспыхнул ярче, разгоняя тьму. И в этом свете, в треске горящих веток, в солёном дыхании моря вдруг появилась неясная, но крепкая ниточка надежды. Нет, он не будет

сидеть и ждать. Он начнёт действовать.

Глава 2. Живой огонь

Утро девятого дня началось с холода.

Не с того бодрящего холодка, который приятно щиплет щёки, пока бежишь к морю умываться. Нет, это был другой холод — сырой, липкий, пробирающийся под одежду, словно чужие ледяные пальцы. Илья проснулся в палатке оттого, что у него зуб на зуб не попадал. Спальник, рассчитанный на осенние ночи где-нибудь в Карелии, здесь, на берегу Охотского моря, не справлялся.

Он выбрался наружу и замер. Мир изменился. За одну ночь осень вступила в свои права всерьёз. Трава на склонах сопки покрылась серебристым инеем. Лужи на камнях замёрзли, и корочка льда хрустела под ногами, как битое стекло. Море стало свинцовым, тяжёлым, и только далеко у горизонта белела полоска тумана — верный признак, что к вечеру погода испортится.

— Ну, здравствуй, зима, — прошептал Илья, поёживаясь.

Он разжёг костёр и долго сидел, грея руки, прежде чем смог нормально двигаться. Сегодня был девятый день. Девятый! Косач не прилетел ни на пятый, ни на шестой, ни на седьмой. На восьмой Илья ещё всматривался в небо. Сегодня он решил: хватит ждать, нужно действовать.

Первым делом он провёл ревизию. Выложил на брезент всё, что у него было, и ужаснулся.

Запас еды: четыре банки тушёнки, пачка гречки, начатая

пачка галет, половинка плитки шоколада, чай в пакетиках, соль в маленькой баночке. При самом жёстком режиме экономии этого хватит дней на десять. Дальше — только то, что добудет сам.

Снаряжение: палатка, спальник, котелок, нож, зажигалка, фонарик с садящимися батарейками, аптечка, моток верёвки, фотоаппарат. И разбитый спутниковый телефон.

Одежда: ветровка, свитер, две футболки, джинсы, запасные носки. Кроссовки. Ни сапог, ни тёплой шапки, ни варежек.

— Ну, Рябинин, — сказал он себе, — ты, конечно, подготовился. Как ребёнок на пикник.

Он вспомнил Робинзона. Тот тоже первым делом перетащил с корабля всё полезное. Корабля у Ильи не было, но был весь этот берег, полный плавника, камней и... чего-то ещё.

Он поднял глаза к скалам. Там, на высоте примерно тридцати метров, темнела широкая расщелина. Грот? Может быть, пещера? Палатка хороша для лета, но зимой в ней не выжить. Нужно найти укрытие посерьёзнее.

До расщелины он добирался почти час. Склон оказался круче, чем виделось снизу. Ноги скользили по замёрзшему мху, камни осыпались из-под рук. Один раз он едва не сорвался, но вовремя ухватился за корявый ствол лиственницы, росшей прямо из скалы.

Расщелина оказалась не просто щелью. Это был самый настоящий грот — с высокими сводами, сухим земляным по-

лом и даже чем-то вроде каменной полки вдоль стены. Пахло сухой глиной и хвоей — какой-то зверь, видимо, устроил здесь лёжку. В углу темнела кучка старого помёта. Медведь? Возможно. Но сейчас зверя не было.

Илья встал у входа и посмотрел вниз. Бухта лежала перед ним как на ладони. Море до горизонта. Полоска пляжа. И, главное — он видел то место, где приземлялся Косач. Если когда-нибудь в небе появится самолёт, отсюда его точно заметят.

— То, что нужно, — сказал он вслух и улыбнулся. Впервые за эти дни у него появилось что-то похожее на план.

Вторым подарком судьбы стал сушняк.

На обратном пути, спускаясь к лагерю, он пересёк небольшую ложбину, заросшую стлаником. И там, среди кустов, наткнулся на целое кладбище сухих лиственниц — старых, высушенных ветром и солнцем, крепких, как кость. Дрова! Отличные, жаркие дрова, которые будут гореть часами.

Илья наломал охапку веток и потащил вниз. Потом ещё одну. И ещё. К вечеру рядом с палаткой высилась приличная гора топлива. Теперь он мог не бояться, что костёр погаснет ночью. Но главное испытание еще было впереди.

Он сидел у костра и варил в котелке гречку — первую порцию за день, потому что решил есть не чаще двух раз в сутки. Вода закипела, крупа разбухла, и запах шёл такой вкусный, что у Ильи кружилась голова от голода.

И тут из леса вышел медведь.

Илья услышал его раньше, чем увидел: хрустнула ветка, потом ещё одна. Звук был тяжёлым, неторопливым. Он поднял голову и замер.

Зверь стоял на границе пляжа, метрах в тридцати. Не очень крупный, молодой гималаец с белой отметиной на груди, похожей на полумесяц. Шерсть его лоснилась в отсветах костра. Медведь водил носом, втягивал воздух, и было ясно: он чувствует гречку. А может быть, и самого Илью.

Сердце бухнуло где-то в горле. Илья медленно, стараясь не делать резких движений, встал. Что там говорил Косач? «Зверь ходит, костёр не забывай». Но костёр-то как раз горел, а зверь всё равно пришёл.

— Эй! — крикнул он дрожащим голосом. — Эй, пошёл отсюда!

Медведь склонил голову набок, словно раздумывая. Потом сделал шаг вперёд. Ещё шаг.

Илья схватил из костра горящую ветку — длинную, с пылающим концом — и выставил перед собой. Пламя затрещало, выбросило сноп искр.

— Уходи! Прочь!

Зверь остановился. Он смотрел на огонь, и в его маленьких глазах отражались пляшущие языки. Секунда, другая... Медведь фыркнул, мотнул головой и, словно передумав, развернулся и тяжело потрусил обратно в лес.

Илья стоял, выставив ветку, пока хруст шагов не затих вдали. Потом сел, и его затрясло так, что зуб на зуб не по-

падал. Не от холода — от страха, который он только сейчас осознал всем своим существом.

Илья понял: это только начало. Зверь вернётся. Может быть, не сегодня, но вернётся. И нужно быть готовым.

Ночью, когда он лежал в палатке, прислушиваясь к каждому шороху, в голову пришла мысль. Огонь. Это единственное, что отделяет его от гибели. Огонь греет, огонь отпугивает зверей, на огне готовят пищу. Но зажигалка — одна-единственная, дешёвая зажигалка из супермаркета — не вечна. Кремень сотрётся. Газ кончится. И что тогда?

Он вспомнил строчку из «Робинзона»: «Пока у меня есть порох, я могу добыть огонь. Но что делать, когда порох кончится?»

Где-то в глубине памяти, из детства, из прочитанных книг, из передач про выживание всплывало смутное: «Огонь можно добыть трением. Или искрой».

Искра! Он же геолог... нет, не геолог, он фотограф. Но он читал о том, что твёрдый камень, если ударить по нему сталью, даёт искру. А сталь у него есть — нож. Хороший, шведский нож с твёрдым лезвием.

Он сел в спальнике. Сердце колотилось от волнения. А что, если попробовать прямо сейчас? Ночью, при свете костра, который пока ещё горит?

Илья выбрался наружу, подбросил дров, чтобы пламя разгорелось ярче. Потом взял нож, нашёл на берегу несколько камней — серых, чёрных, с острыми гранями — и принялся

за дело.

Удар. Ничего. Ещё удар. Искра! Крошечная, голубая, она сорвалась с лезвия и тут же погасла. Он повторил. Ещё и ещё. Камень крошился, лезвие тупилось, но Илья бил и бил, пока рука не онемела. Искры были! Настоящие, живые искры. Но как заставить их зажечь что-нибудь?

Трут. Вот что нужно. Сухой мох, растёртый в пыль. Или нитки. Или...

Он вспомнил про аптечку. Там была вата. Обычная медицинская вата — она вспыхивает мгновенно.

Илья вытащил упаковку, отщипнул кусочек ваты, распушил его и положил на плоский камень. Потом ударил ножом по кремню, целясь так, чтобы искры летели прямо на вату. Раз. Два. Три. На четвёртом ударе искра попала точно в центр. И вата — о чудо! — засветилась красной точкой. Илья осторожно подул, прикрывая ладонью от ветра. Точка росла, наливалась жаром, и вдруг — вспыхнула маленьким, почти невесомым язычком пламени. Он поднёс к вате сухую веточку. Та занялась.

Илья сидел на корточках, держал в руках горящую ветку, и по щекам у него текли слёзы. Он не сразу понял, что плачет. Это были не слёзы страха или отчаяния. Это были слёзы победы. Маленькой, но самой важной победы в его жизни.

Теперь у него был огонь. Не просто костёр, который может погаснуть. У него был способ добыть его заново. Всегда. Пока у него есть нож и камень.

Утром десятого дня он начал обустраивать грот.

Первым делом — убрал старый помёт и вымел земляной пол пучком веток. Потом натаскал сухой травы и мха — получилась лежанка, не очень мягкая, но всё лучше, чем камни. Вход он завесил брезентом от палатки, который держался на вбитых в щели колышках.

Палатку он тоже перенёс к гроту, но ставить не стал. Пусть пока лежит. Брезентовый тент можно использовать как дверь, а палаточные дуги — как остов для чего-нибудь полезного.

К полудню у него было укрытие. Не дом, не изба, но уже что-то, похожее на жильё. Он стоял у входа в свою «пещеру», смотрел на море и вдруг почувствовал странное, забытое чувство. Гордость. Самую настоящую гордость. Он, городской фотограф, привыкший заказывать еду через приложение и греть чай в микроволновке, построил себе дом. Пусть даже этот дом — просто дыра в скале.

Вечером он снова читал «Робинзона». Нашёл то место, где Крузо составляет список: «Зло» и «Добро».

Илья достал блокнот и на последней странице, при свете костра, написал:

Зло:

— Я один.

— За мной никто не прилетит.

— *Телефон разбит.*

— *Зима близко.*

— *Еды почти не осталось.*

— *Здесь ходят медведи.*

Он перечитал список, и ему стало тошно. Тогда он перевернул страницу и написал на другой стороне:

Добро:

— *Я жив.*

— *У меня есть нож и зажигалка.*

— *Я умею добывать огонь из камня (уже умею!)*

— *У меня есть грот — моя крепость.*

— *В бухту заходят киты. Я могу их видеть.*

— *Где-то далеко есть Лена, которая ничего не знает, но я обещал ей, что выберусь.*

Он посмотрел на второй список, и губы сами растянулись в улыбке. Добро оказалось не короче, чем Зло. А может быть,

даже весомее.

Где-то в сумерках, над морем, снова блеснул фонтан. Кит всё ещё был здесь. Значит, и он, Илья, не один.

— Ничего, Рябинин, — сказал он себе, задувая костёр и забираясь в спальник. — Ты справишься. Ты уже начал.

Глава 3. Крепость

Утро одиннадцатого дня встретило Илью мелким, противным дождём.

Он проснулся в гроте оттого, что на лицо упала холодная капля. Потом ещё одна. Открыв глаза Илья увидел, как по каменной стене течёт тоненький ручеёк. Вода нашла себе путь через трещину в своде и теперь капала прямо на край спальника.

— Замечательно, — пробормотал Рябинин, отодвигаясь. — Просто замечательно.

Он сел, поёживаясь, и оглядел своё жилище. Грот, ещё вчера казавшийся почти уютным, теперь выглядел сырым и мрачным. Земляной пол потемнел от влаги. Стены блестели. Дым от костра, который он разжёл у входа, не вытягивало наружу, а забивало внутрь, и теперь в пещере висела сизая пелена.

Нет, так дело не пойдёт. Если он хочет здесь перезимовать, грот нужно превратить в дом. Настоящий. Сухой, тёплый и безопасный.

После завтрака — немного чая и два галетных печенья, которые он размачивал в кипятке, чтобы растянуть удоволь-

ствие, — Илья устроил большой совет с самим собой.

Он разложил на плоском камне всё имущество и стал думать вслух. Привычка говорить с собой появилась незаметно, но он уже не стеснялся её. В конце концов, других собеседников не предвиделось.

— Итак, что мы имеем? Палатку, которую ты до сих пор толком не используешь. Палатка — это готовый кусок непромокаемой ткани. Если снять тент и натянуть его внутри грота, получится внутренняя крыша, и вода с потолка перестанет капать на голову.

Он прикинул размеры. Палатка была небольшая, двухместная, но если снять тент и растянуть его на дугах внутри грота, выйдет что-то вроде балдахина над лежанкой. А дуги как раз можно закрепить между камнями.

— Хорошо. Дальше: пол. На полу — холодные камни. Спальник не спасает. Нужен настил. Что у нас есть? Кедровый стланик! Я видел целые заросли на склоне. Его ветки длинные, мягкие, с густой хвоей. Если накидать толстый слой, а сверху постелить дно палатки — будет и мягко, и сухо.

Илья даже развеселился. Задача оказалась не такой уж страшной, если разбить её на маленькие шаги.

— Третье: дверь. Вход в грот шириной метра полтора. Медведь, который приходил позавчера, пролезет сюда, как в собственную берлогу. Нужно придумать, что закроет проход. Тяжёлое, что нельзя отодвинуть снаружи.

Он задумался. Брёвен не было. Досок — тоже. Но на пляже, среди плавника, он видел несколько толстых стволов, обточенных морем. Если подтащить их к гроту и связать верёвкой, получится что-то вроде решётки. Не дверь, но преграда.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь. — План есть. Работаем.

Следующие два дня он не ждал самолёта.

Впервые Илья не вглядывался в небо, не вздрагивал от крика чаек, не прислушивался к гулу ветра — не мотор ли? Ему было некогда. Он работал с утра до темноты, и эта работа спасала его не хуже костра.

Первым делом — настил. Он нашёл на склоне сопки выросли кедрового стланика — того самого кустарника с длинными, гибкими ветвями, покрытыми мягкой хвоей. Ветки не ломал, а резал ножом, чтобы не калечить растения зря. Связывал в охапки и таскал в грот. За пять ходок натаскал целую гору.

Хвоя была влажной после дождей, но всё равно пружинила и приятно пахла смолой. Илья уложил ветки слоями, одну к другой, хвоей вверх. Получился упругий, почти удобный настил. Сверху он расстелил дно палатки, и лежанка стала почти роскошной.

А вечером, перед сном, он разложил несколько охапок стланика у костра — не слишком близко, чтобы не загорелись, но достаточно, чтобы жар вытянул из них сырость. К утру ветки стали сухими и чуть колючими. Илья перенёс их

в грот и добавил поверх лежанки. Теперь спать было уютно, почти, как дома.

Итак — крыша. Снять палаточный тент оказалось делом нехитрым. Куда сложнее оказалось натянуть его внутри грота так, чтобы он не провисал и не задевал голову. Илья провозился до вечера: вбивал колышки в щели между камнями, привязывал дуги, растягивал верёвки. Однако, когда закончил, остался своей работой доволен. Тент нависал над лежанкой покатой крышей. Теперь вода, если и просочится сквозь свод, скатится по тенту в сторону, к стене, а не на голову. Уже победа.

— Осталась дверь, — напомнил он себе. Ею он занимался целый день. Сначала выбрал на пляже два толстых ствола — обломки какой-то давней постройки или разбитого судна, гладко обточенные водой. Каждый ствол был метра по два длиной и весил так, что Илья надрывал спину, пока тащил их в гору. Потом нашёл третий, поменьше, и несколько прямых толстых веток.

Связать всё это было почти нечем. Верёвка оставалась одна, и её следовало беречь. Тогда он вспомнил про аптечку. В ней, кроме бинтов, пластырей и таблеток, лежал рулончик узкого медицинского скотча — того самого, белого, липкого, которым приматывают повязки.

— Негусто, — сказал Илья, вертя скотч в руках. — Но на первое время хватит.

Он связал стволы поперечинами из веток, обмотал скот-

чем, потом — для прочности — полосками, нарезанными из старой футболки. Получилась решётка. Тяжёлая, косая, но решётка.

Он подтащил её к гроту и приставил ко входу. Решётка закрывала проём примерно на две трети. Оставшуюся щель он заложил плоским камнем. Теперь, чтобы попасть внутрь, зверю придётся опрокинуть решётку.

— Ладно, — выдохнул он, вытирая пот со лба. — Сойдёт.

К вечеру третьего дня строительства он наконец сел и оглядел свою работу. Грот преобразился. Лежанка из просушенного у костра стланика, накрытая палаточным дном, выглядела почти, как настоящая постель. Тент над головой обещал сухой сон. Решётка у входа отбрасывала на пол тень, похожую на тюремную, но Илье эта тень даже нравилась. Она означала: вход закрыт.

Он разжёл костёр в очаге — плоском углублении у входа, которое обложил камнями, чтобы жар не уходил в стороны. Дым теперь вытягивало вдоль стены и наружу, а не в пещеру. Дрова для костра он заготовил заранее: натаскал из леса сухостоя — мёртвых лиственниц, умерших ещё в прошлом году. Их древесина была сухой, как порошок, потому что росла выше линии туманов, где ветер выдувает всю влагу. И плавник с пляжа тоже пригодился: снаружи мокрый, внутри солёный и сухой, он горел жарко, с голубыми язычками.

— Ну вот, — сказал он, усаживаясь на лежанку и накрывая ноги спальником. — Теперь можно и жить.

Он достал блокнот и записал:

День тринадцатый.

Построил дверь. Починил крышу. Сделал пол. Грот теперь — крепость. Устал так, что руки дрожат. Но внутри — спокойно. Впервые за всё время.

Он отложил карандаш и задумался. Спокойно — да. Но не до конца. Потому что оставалась ещё одна проблема, над которой нужно обязательно подумать уже завтра.

На следующий день Илья решил провести полную ревизию аптечки. До этого он заглядывал туда только однажды, когда порезал палец. Теперь же, сидя в гроте под шум дождя, он вытряхнул всё содержимое на лежанку и стал разбирать.

Аптечка была стандартная, походная, купленная в спортивном магазине. Что в ней?

Бинт стерильный — две упаковки. Пластырь бактерицидный — несколько полосок. Йод в маленьком пластиковом флакончике. Вата — та самая, из которой он уже выщипал кусочек для трута. Эластичный бинт — пригодится. Ножницы маленькие, тупые. Пинцет. Таблетки активированного угля — на случай отравления. Парацетамол — от жара и боли. И ещё одна упаковка, которую он сначала не заметил: амоксициллин. Антибиотик. Десять таблеток, срок годности в норме.

Илья взвесил упаковку в руке. Антибиотик. Это даже не удача — это чудо. Если он заболит, если подхватит воспа-

ление лёгких, или если рана загноится, эти таблетки могут спасти ему жизнь.

— Спасибо тебе, неизвестный составитель аптечки, — прошептал он. — Ты был предусмотрительнее меня.

Потом он перебрал остатки еды. Гречка почти кончилась. Галеты подходили к концу. Тушёнка — две банки. Шоколад — одна плитка. Чай — ещё на неделю.

И тут, в боковом кармане рюкзака, он нащупал то, о чём совершенно забыл. Маленький пакетик с надписью «Семена». Семена укропа и петрушки. Дурацкий подарок знакомого биолога, который, прощаясь, сунул их ему со словами: «Разведёшь огород, когда осядешь».

— Огород, — горько усмехнулся Илья. — На скалах-то?

Но потом посмотрел на пол грота, на влажную землю, на тёплый воздух от костра, и подумал: а почему бы и нет? Если он здесь застрянет до весны, свежая зелень будет на вес золота. Даже несколько ростков могут спасти от цинги.

Он убрал семена в сухое место, подальше от сырости.

К вечеру дождь кончился, и небо прояснилось. Илья выбрался на берег — впервые за несколько дней. Ему нужно было пополнить запасы воды из ручья и, главное, попробовать поймать рыбу.

Он смотрел на море, гладкое после шторма, и думал, как подступиться к рыбалке. Снастей у него не было. Ни удочки, ни лески, ни крючков. Только нож, верёвка и собственная голова.

Вода была прозрачная, зеленоватая, и он видел, как у самого дна, между камнями, бродят небольшие тени. Навага? Корюшка? Может быть, бычки? В любом случае — еда. Настоящая, живая еда, которая плавает прямо здесь.

— Ладно, — сказал он морю. — Завтра я что-нибудь придумаю.

Море не ответило, но ему показалось, что волны подмигнули: придумаешь, конечно. Куда ты денешься!

Ночью он смотрел на тлеющие угли костра и слушал тишину. Решётка стояла на месте. Тент не протекал. Под боксом, на просушенном стланике, было сухо и почти тепло.

Он думал о Лене. Что она делает сейчас? Может быть, уже начала волноваться? А может быть, ещё нет — он ведь часто пропадал, не выходил на связь неделями. Но рано или поздно она забеспокоится. И что тогда?

Он представил, как Лена сидит на кухне, смотрит в телефон, набирает его номер. «Абонент временно недоступен». Ещё раз. «Абонент временно недоступен». Она пишет сообщение. Ответа нет. Она звонит его друзьям. Те пожимают плечами: «Он куда-то уехал, кажется, на восток».

Он перевернулся на бок и достал из рюкзака книгу. Открыл на закладке — старом автобусном билете — и прочёл: *«Так страх опасности всегда страшнее самой опасности, и ожидание зла в десять тысяч раз хуже самого зла».*

— Золотые слова, Даниэль Дефо, — прошептал Илья. — Золотые слова.

Он закрыл книгу, положил её под голову вместо подушки и закрыл глаза. Завтра его ждала рыбалка. А послезавтра, может быть, он начнёт строить сигнальный знак на вершине скалы.

План есть. Дело есть. А значит, тьма отступит.

Глава 4. Дары моря

Утро четырнадцатого дня выдалось ясным и холодным.

Таким ясным, что Илья, выбравшись из грота, на минуту зажмурился. Солнце висело низко над сопками, но светило ярко, и море, впервые за много дней, было не свинцовым, а синим — почти как на открытках. Ветер стих. Даже чайки кричали веселее обычного.

— Хороший знак, — сказал Илья и отправился к ручью умываться.

Вода обожгла лицо ледяными иголками, но после неё голова стала ясной, а тело — лёгким. Сегодня он твёрдо решил, что поймает рыбу. После бессонной ночи у Ильи были готовы целых два варианта, как это можно осуществить.

Вариант первый: острога. Он выбрал на пляже прямую ветку лиственницы, длинную и крепкую, и ножом заострил один конец. Потом, подумав, расщепил остриё на четыре части, вставил в щель маленькие распорки из щепок — получилось что-то вроде примитивного трезубца. Таким бить рыбу легче: если один зубец промахнётся, другой зацепит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.